

теоретических и историко-литературных проблем, связанной с соотношением универсального и специфического в развитии словесности Уральского края в контексте широко понимаемой духовной истории России.

Вопросы методологии регионалистики, а также историко-литературные проблемы, связанные с соотношением российской/ русской и региональной/ казахстанской литератур осуждались в мастер-классе, проводимом к.ф.н, доц. Люцией Ильдаровной Абдуллиной (Усть-Каменогорск).

Принципы и закономерности функционирования детали как реминисценции и аллюзии в художественном тексте были представлены д.ф.н., проф. Валерием Владимировичем Мароши (Новосибирск, НГПУ) на материале стихотворений «Канун» И.А. Бунина и «Сан-Пьетро» И.А. Бродского. Детали художественного мира И.А. Бунина и И.А. Бродского были рассмотрены в контексте русской литературы, культуры, истории.

Слушатели отметили высокий уровень проведения Литературоведческой школы. Насыщенное, глубокое и искреннее общение дало участникам интеллектуальный и эмоциональный заряд для последующих исследований в области литературоведения.

Новости жизни ВУЗа, Филологический факультет

«А ОН ДАЛЬШЕ ПИШЕТ...»: ОБ УМЕНИИ ВОВРЕМЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

Юрий Борисович Орлицкий – доктор филологических наук, профессор, специалист по теории стиха и современной русской поэзии, редактор научного издания Российского государственного гуманитарного университета «Вестник гуманитарной науки», ведущий современный стиховед и участник школы «Культура и текст-2012» – согласился дать интервью газете «Учитель». Итак, приступаем к беседе и...

Знакомимся с гармонической личностью

– Вы, судя по профессиональной биографии, много путешествующий человек. У вас самое любимое место в мире есть?

– Ну, во-первых, Самара – место, где я прожил полжизни. Во-вторых, очень люблю Питер... Пермь... Смоленск. Знаете, вопрос про любимые места – это вопрос про любимого писателя для пятиклассника, который прочитал одного автора. А если твоя профессия связана с писателями? Так же и с географией. В каждом городе есть свое очарование. Тем более что мне очень везет с путешествиями – они связаны с интересными людьми. А с людьми интересно общаться в их собственном интерьере. Можно приехать в страшную дыру и изумиться. На днях звонил по скайпу из Германии мой хороший знакомый, прозаик Юрий Малецкий: «Ты знаешь, где я нахожусь? В городе Бернкасл». Удивить хотел. А я, представляете, там тоже был! Это город на Юге Германии, он состоит из двух городков, одна часть – на правом берегу реки Мозель, другая – на левом. Горы, виноградники, и живут в городке тысяч десять человек. Бернкасл-Куз, ни о чем название вам не говорит? Оттуда родом Николай Кузанский. Там есть Кузанская академия, что-то еще, названное его именем... Хороший городок – уютный, светлый. Я в нем был в апреле – там было просто чудесно.

– Юрий Борисович, позвольте пафосный вопрос: ваша жизнь – это поэтическая строфа или прозаическая строка?

– Я думаю, и то и другое. Полиметрия, если продолжать в том же терминологическом русле, то есть текст, состоящий из стихов и прозы.

– **Вы человек вспышки или упорного труда?**

– И того и другого.

– **Так вы гармоничная личность!**

– Стараюсь, по крайней мере. Вспышка необходима, чтобы потом было не скучно упорно трудиться.

– **Выбор вашего основного направления – стиховедения – это фатум или обдуманное решение?**

– Тоже и то, и другое. Я собирался этим заниматься, хотя у меня нет узкого профиля – я и теоретик, и историк литературы, занимаюсь многими вещами. Кроме того, я главный редактор «Вестника гуманитарной науки». Меня по молодости в вуз преподавать не взяли по политическим соображениям – как неблагонадежного. В 1970-е годы...

– **Вы были инакомыслящий или с подозрительным происхождением?**

– Да все вместе. Не могу сказать, что я был борец, ну, стихи мы в собраниях читали ... У них была попытка соорудить политический процесс, которая развалилась... Дали волчий билет без права поступить на работу. Но это все повернуло мою жизнь в правильную сторону – я не стал преподавать никому не нужные дисциплины, а просто ушел на вольные хлеба. Восемь лет я работал в библиотеке, потом устроился в газету, где лет 10 поработал – там же написал первую диссертацию, потом вторую... Работая по принципу фриланса (слова мы этого тогда, конечно, не знали), можно было четко организовать свое время. Телефона дома у меня не было, и я утром приходил к кому-нибудь из знакомых и ковал за полдня 12-15 информашек. 60 информашек в месяц – это оклад штатного журналиста, плюс писал две-три статьи на интересные мне темы.

Биография в стихах и городах

– **Вы были членом жюри конкурса хайку...**

– Да, председателем был один раз... А теперь я член жюри конкурса хайку, который проходит раз в год в Москве – его проводит Дмитрий Кудря, издатель альманаха «Хайкумена». Первый же конкурс организовало японское посольство. 15 лет назад они кинули клич, и со всей страны пришло восемь мешков хайку, причем было приказано присылать стихи только на открытках, чтобы чересчур не расписывались. А на конкурс приходили целые книги – «Хайку села Михайловка», например.

– **Хорошие?**

– Неа. Много мусора. Эта стиховая форма кажется на первый взгляд очень простой, рифмы искать не надо, сказал два-три слова и все. А на самом деле... Хайку в России пишут все. В сети существует огромное количество разных сообществ, их члены именуют себя на японский манер – хайдзины. Чаще всего это все достаточно далеко от поэзии, этакое «народное творчество», с отрицательной коннотацией. Не то чтобы лучше вообще не писали

– как в советские времена говорили, «зато не пьют в подъездах». Пусть лучше хайку пишут. Кто-то из хайдзинов считает, что надо обязательно соблюдать схему хайку: пять – семь – пять слогов в строках (хотя даже в классических переводах Веры Марковой есть отступления от этого правила), кто-то считает, что не надо обязательных 17 слогов, если, например, есть сезонное слово. Или вообще пишут не хайку, а трехстишия.

– Вам-то хайку как жанр нравится?

– Да, но не больше других. Есть хорошие хайку, но есть и очень много плохих. Меня немножко пугает массовый характер увлечения. Бывают трехстишия лучше, чем хайку. Марина Хаген – есть такая прекрасная поэтесса, по профессии математик (она, кстати, выиграла тот самый первый конкурс хайку). Так вот, она пишет трехстишия, слогов не считает. Но пишет замечательно!

– Вы входили в редколлегию сборника «Мотив вина в русской культуре», издан он был в Твери. Поделитесь, как возникла идея его создания?

– Там была в те годы дружная кафедра, много и интересно работала. И искала что-нибудь оригинальное. Конференция про вино – одно из таких ноу хау. Причем даже договорились со спонсором – водочным заводом, он выставил ящик водки для банкета. Уж вина бы выставил, что ли...

– Да вы что?! А чем же они убеждали руководство водочного завода, что те должны науке помочь?

– А вы знаете, в Твери ребята очень интересные. Они, например, на некоторые свои конференции деньги у бандитов брали взаймы. Пообещали кафедре грант, а в последний момент денег не дали, и те пошли к местным бандитам. Когда грант получили – отдали.

– Что вас с Тверью связывает?

– У меня там много друзей. Симпатичный город, от Москвы недалеко – 2,5 часа на электричке. В Тверском госуниверситете я лекции читал, РГГУ и ТвГУ раньше сотрудничали, но это уже старая история.

Беседы о проходящем

– А вам современная русская литература нравится?

– Конечно.

– Я сейчас скорее о прозе говорю.

– Прозой я меньше занимаюсь, но там тоже есть десятка четыре симпатичных фигур.

– А какая книга из свежепрочитанного вам по-хорошему запомнилась?

– Давайте я вспомню, что я всерьез читал... Ведь при определенной степени профессионализма можно просто взять книжку в руки, полистать и узнать, что у нее внутри. Что же я читал? А, пожалуй, Владимира Сорокина. С опозданием, конечно. Я читал «День опричника», брал с собой в отпуск. Очень-очень милая книжка. Сорокина люблю, Пелевина

терпеть не могу – это человек, который работает исключительно на рынок, это массовая литература. А Сорокин пишет вразрез.

– Вы знаете, мне было не совсем понятно, когда один из специалистов, разделяя литературу на высокую, массовую и промежуточную – миддл-литературу – к последней отнес Бориса Акунина и Людмилу Улицкую. С Акуниным все ясно, но за Улицкую как-то обидно...

– А я с ним совершенно согласен, к Улицкой очень скептически отношусь – во-первых, она тоже работает чисто на рынок. Во-вторых, у нее столько неточностей и допущений. Мой товарищ написал огромную разоблачительную статью про книгу «Даниэль Штайн, переводчик» – там все неправильно с точки зрения описания церковного обряда, и не только. Мне кажется, что Улицкая все же средненький писатель – в отличие, например, от Татьяны Толстой. Это почти Маринина, только получше, пообразованнее. И она пишет сама, в отличие от большинства массовых авторов, за которыми стоят целые концерны. У них очень интересный творчески построенный процесс, несколько авторов пишут по кусочкам, потом мастер проходит одной рукой, выравнивая стилистику, а «автор» просто продает свое раскрытое имя...

– А кого вы сейчас имеете в виду?

– Практически все массовые авторы работают именно так. Акунин, думаю, исключение.

– Не знаю, последняя книга из фандоринского цикла – «Весь мир театр» – это просто безобразия. Было четкое ощущение, что либо автор совсем исписался, либо писал кто-то другой.

– Скорее всего, первое. Ну а, потом, Акунин все уже сделал. Массовая литература – это просто способ зарабатывать деньги – кто-то вагоны разгружает, а кто-то романы пишет, все по-честному. В определенном возрасте второе – и проще, и безопаснее. Так что, пусть пишут, у них обязательно найдется свой читатель.

«Камо грядеши?»

– Куда движется современное литературоведение?

– В разные стороны. Литературоведение – это, строго говоря, советское понятие, есть и всегда будет филология – по-русски, любовь к слову. С этой филологией все понятно – люди занимаются описанием, интерпретацией, типологизацией явлений литературы. А литературоведение советского периода было политической наукой, сейчас бы сказали – политология, отчасти – история культуры, история общественных идей. Если автор родился в бедной крестьянской среде, можно было написать о нем монографию, не читая ни одного произведения. Примерно так: родился тогда-то, несчастные угнетенные родители, тяжкий путь вверх, а на последних страничках – о литературе: создал роман такой-то, роман такой-то, роман такой-то... Я немножко утрирую, но такова была ситуация. Сейчас она похожая – часть литературоведов занимаются чистой философией на литературном материале. Методология сейчас размытая, и каждый делает, что хочется. В литературоведении аргументация риторическая, она позволяет сначала написать исследование о Пушкине как об антирелигиозном писателе, а через 15 лет этот же человек пишет, что Пушкин не писал «Гавриилады», потому что был глубоко верующий человек, – а богомерзкое произведение враги приписали.

«У меня подруга-литературовед ударилась в феминизм, и в одном большом хорошем докладе яро доказывала, что хороших писателей-женщин всегда было больше, чем мужчин – просто мужской заговор вычеркивал их из истории литературы. Они были, написали гениальные романы, просто ни один из них не сохранился, потому что мужчины все уничтожили, оставив ненастоящее – какую-нибудь любовную лирику Сафо или Джейн Остен, занимавшуюся вопросами замужества. Автор доклада – серьезный ученый, доктор наук...».

– Есть прекрасная книга, выдержавшая несколько изданий, под названием «А.С. Пушкин. Конек-горбунок», в которой автор доказывает, что Ершов не мог написать такое произведение, потому что стихи у него другие – плохие. У Пушкина все хорошее, и поэма про конька хорошая, поэтому Пушкин написал «Конька-горбунка». Попробуйте оспорить! И многие верят – общественность же любит всякие альтернативные теории. Люди привыкли воспринимать литературоведение в советском ключе – тогда люди сидели, получали пусть небольшие, но деньги, чтобы доказать, что Пушкин был «наш, советский писатель». Ведь почему придумали Арину Родионовну? Дворянин – нехорошо, а так получается, что он был как бы приемный сын крестьянки. Ее роль во многом преувеличена. Если объективно рассматривать биографию поэта, роль няни в жизни Пушкина была не совсем положительной – девушек подбирала, за водкой ходила...

– **«Выпьем няня, где же кружка...»**

– Да, не придумал же он это. Как няня, Арина Родионовна рассказывала ему сказки, но это не значит, что она все за него написала. И вот, в 1930-е годы, когда классовый вопрос стоял очень остро и надо было как-то оправдать дворянство Пушкина, возник миф об Арине Родионовне – практически соавторе пушкинских сказок. Или: Пушкин-де был очень бедный, а камер-юнкер – это ничтожный придворный чин... Хотя чин вполне нормальный, некоторые всю жизнь его добывали. Приличное у Пушкино было положение, но ленив был, отвлекался все время, масса любовных приключений, не служака по характеру. Не сделал карьеру, хотя мог бы и сделать. Биография Пушкина – очень интересный момент, ее по-разному использовали во все времена. А вот кого не могли – тех не «разворачивали». Не сказал бы Ленин, что Толстой – «зеркало русской революции», и не был бы Толстой главным писателем, был бы один из...

– **Но все-таки Толстого любят не только в нашей стране, но и по всему миру...**

– А кто вам такое сказал? Чехова любят – много ставят его пьесы, Достоевского – изучают русскую душу. Боятся русской опасности, читают Федора Михайловича и убеждаются, что русский может напиться и зарезать всех родных. Такой вот Достоевский антипиаршик, вражеский агент практически! А Толстой пытался всех научить жить, Эдуард Асадов своего рода, только писал лучше. За что его многие очень не любят. И стилист он не великий, хотя это в целом была эпоха плохописи, когда не старались писать хорошо, а старались донести свои идеи. У Достоевского – неистовый романтизм, а у Толстого – обработанное евангельское учение, сильная философская система.

Теория заговора

– **Вы каким-нибудь конкретным периодом литературы заниматься предпочитаете?**

– В профессиональной деятельности меня интересуют определенные явления, а не эпохи. Есть, конечно, эпохи менее интересные и более интересные – переломные. XVII-ый век...XVIII-ый, XIX-ый, XX-ый, XXI-ый – всё переломные эпохи. Бывают произведения, не очень может быть сильные, но чрезвычайно интересные, которые оказывают большое влияние. Возьмем, например, Александра Вельмана. Я считаю, что этот прозаик по объективным качествам не хуже Гоголя, его современник, причем оказавший огромное влияние на развитие русской литературы XIX-XX веков. Но ведь до недавнего времени им вообще не интересовались, не переиздавали! Это писатель экспериментирующий, который шел скорее по западному пути. Внутри Гоголя произошел слом – сначала он писал литературу для читателя, потом стал учить всех жить, как Толстой, что существенно снизило художественные достоинства его произведений. А Вельман искал способы активизации художественного языка, у него есть интересные изыски. Современники-то его знали, им еще не сказали, что Гоголь как писатель лучше...

– Так, может быть, есть какая-то сермяжная правда, историческая справедливость в том, что в веках остаются конкретные имена? Или это случай, фатум?

– Нет, не фатум, а злой умысел организаторов нашей жизни. Назначает царь-батюшка главным такого-то – так и будет, как бы ни оспаривали. Назначил Белинский Пушкина главным русским поэтом. В какой-то степени это случай, где-то – вкусовые предпочтения, в последние годы – чистая политика. Кого назначат хорошим писателем – так и будет, и во всем мире так. Кто такие Нобелевские лауреаты в области литературы? Они даже не обязательно писатели. Это люди, которые сделали что-то хорошее с точки зрения мирового сообщества. Вспомните наших лауреатов: Пастернак, Бродский, Солженицын – все враги советского режима.

– Толстому тоже собирались дать ...

– Но не дали. Первую Нобелевскую премию по литературе получил поэт Сюлли-Прюдом. Приличный поэт, его в свое время много переводили, хотя, конечно, по масштабу с Толстым величина несоотнесимая. Показательный факт: дают премии китайцам, сидящим в тюрьмах. Как говорил один мой знакомый, американский профессор русского происхождения, чтобы сделать хорошую диссертацию в Америке, надо написать о творчестве чернокожей женщины-инвалида нетрадиционной сексуальной ориентации. Может быть, это не полный набор положительных признаков, но поскольку толерантность в моде... Плохих писателей Нобелевский комитет, конечно, лауреатами не назначает, но кое-кто из авторов просто не добывает необходимых критериев. Есть такой французский поэт арабского происхождения, алжирец, Адонис – несколько раз был в списке номинантов, потому что и вправду очень хороший поэт. Но слишком хорошо живет, жил бы в нищете – дали бы премию. В общем, этот нелитературный фактор четко работает. Сейчас, например, появился вдруг великий поэт Борис Рыжий – очень, на мой взгляд, средний автор, есть и лучше, есть и хуже. Однако очень вовремя покончил с собой и стал объектом безумного поклонения. Почти как Цой. Проводили даже конференцию по его творчеству в Голландии. Знаете, есть циничная формулировка: «Надо уметь вовремя нанять своего Дантеса». Те, кто поумнее, перестают писать. Или печататься. Например, Евгению Евтушенко, которого я не люблю, хватило ума вовремя остановиться. А у Беллы Ахмадулиной не вышло – и ее поздние стихи слишком многословны, все повторяется по кругу. На хорошего поэта она тянет однозначно, но если бы все завершилось 1970-ми годами, может, получился бы и гениальный поэт.

Ж и М: Живые и мертвые

«У меня есть один знакомый собиратель книг, он читает, но в основном собирает. «Не люблю, – говорит, – живых писателей. Вот уже и шеститомник вышел, а он, подлец, дальше пишет... Издали бы сразу полное собрание сочинений и все было бы нормально». Это, конечно, юмористическое выражение, но подход вполне реальный».

Хватит вопросов

– Если бы изобрели машину времени, с кем из ушедших вам хотелось бы пообщаться?

– Наверное, с Михаилом Леоновичем Гаспаровым – это был человек в хорошем смысле простой. И у меня есть вопросы, которые бы я ему сейчас задал, потому что блуждаю по неким стиховедческим, и не только, сферам, которые он прошел. Ни с одним из писателей я бы общаться не захотел. Я вступаю в противоречие с самим собой, потому что говорю: общаться с авторами интересно. Но спрашивать у Толстого, а тем более у Достоевского, как жить, – это уж слишком. Интересны люди, которые способны ответить на твои серьезные, причем научные, вопросы – я бы, например, с кем-нибудь из древнегреческих поэтов поговорил: почему они именно так писали, почему такую строфу изобрели – с Сафо, например, или с Алкеем. Или у того же Вельмана я бы спросил о его неосуществленных замыслах, потому что о нем очень мало известно. А до ответа, как жить дальше и что делать, человек должен за свою жизнь дойти сам. Так что, машина времени не нужна, можно и у современников узнать много интересного – просто не умеют спрашивать и не умеют слушать.

– А вас какой-нибудь магистральный вопрос по жизни ведет?

– Был такой замечательный философ Калистрат Жаков – профессор в Петербурге, коми. Одним из первых уехал от большевиков в Эстонию, отправив Ленину открытое письмо, где написал: «Я знаю, почему вы все это затеяли – вы просто терпеть не можете умных людей и решили их всех в России истребить». Так вот, он придумал теорию лимитизма, которая сводится, если на пальцах объяснять, к тому, что человеку не положено знать того, что не положено. Он проводит аналогию с математикой: есть предел (уж кто его поставил – Бог, не Бог, Жаков не конкретизирует), за который заходить невозможно, нельзя. Расщеплять атомное ядро не надо, потому что ничего хорошего из этого не получится. И мне кажется, что это очень актуальная и правильная позиция.

Так что, умный человек должен сам для себя решить, будет он задавать лишние вопросы или обойдется...

Вопросы задавала Марина Михайлова